

К настоящему моменту эта тенденция набрала достаточно серьезную силу, что нашло свое отражение в появлении термина «глокализация», который был введен Р. Робертсоном, определившим это понятие как «универсализацию партикуляризации и партикуляризацию универсализации» [27, с. 100].

Прилагательное «глокальный» и существительное «глокализация» образованы слиянием понятий «глобальное» и «локальное», однако содержание термина «глокализация» выходит за узкие этимологические рамки. Его контекстное использование в литературе фактически выражает тенденцию противостояния напору глобализационных процессов посредством интенсификации локального (регионального) развития: на фоне стирания региональной специфики в ходе глобализации оформляется встречный вектор.

Р. Робертсон оценивает феномен глокализации как проявление такого свойства культурного развития человечества, как невозможность тотальной унификации культуры и неискоренимость локальных культурных различий. По его словам, «везде происходит какая-то адаптация. Простой пример: вы англичанин и покупаете машину в Японии. Но это же не значит, что в Великобритании вы будете ездить по японским правилам» [27, с. 100].

В основе идеи глокализации лежит презумпция децентрированности культуры мира, основанного на этнокультурном полицентризме. П. Л. Бергер и С. Хантингтон в этом контексте используют термины «альтернативные модели современности» и «региональная субглобализация» [14].

Таким образом, внутри современного культурного процесса естественным образом возникают своего рода противовесы глобализационной унификации культурного пространства. По оценке А. И. Смолика, «у процвітаючэ ідэі глабальнай культуры ўзнікаюць парадэгмы, якія абараняюць нацыянальныя культуры» [18, с. 23]. Б. Галь называет их «региональными моделями противостояния глобальным вызовам» [2].

Классическим примером подобных концепций, выстраивающих программные альтернативы глобализационной унификации культуры, является концепция негритюда, основанная на презумпции самобытности, самооценности и самодостаточности негроидной расы [4].

Термин «негритюд» и сама идея специфики африканского менталитета впервые были предложены в 1939 г. антильским поэтом Эме Сезером в поэме «Дневник возвращения на родную землю», где он, развенчивая миф колонизаторов о неполноценности «черных», противопоставил прагматичному рационализму «белых» такие исконные духовные ценности народов Африки, как «дар образного видения мира, ритмотворчество, интуитивную мудрость, гармоничное слияние с миром природы и космических сил» [15].

Концептуальное оформление идея негритюда получила в работах Л. С. Сенгора – автора специфической системы антропологии, фундаментом которой является признание того тезиса, что разные культуры строятся на разных способах миропереживания. По мнению Л. С. Сенгора, «духовность негра коренится в чувствительности». Перефразировав известное выражение Р. Декарта «Я мыслю, – следовательно, я существую», Л. С. Сенгор формулирует аналогичную максиму для африканского чувственного миропереживания: «Я чувствую, я танцую “Другого”, – следовательно, я существую» [цит. по: 8]. Согласно его трактовке, для африканца характерно сенсорное восприятие мира (или, иными словами чувственное мироощущение) – в противоположность рационально-логическому мироосмыслению европейца [9].

Главная идея Л. С. Сенгора заключается в том, что ни один из описанных вариантов мировосприятия не лучше и не хуже другого, – они просто разные [13]. Проблемы начинаются тогда и только тогда, когда один из них трактуется как предпочтительный (в крайней трактовке – единственно правильный) и навязывается другому, как в конкретно-исторической ретроспективе европейский вариант – африканскому. В силу этого необходимо исправить историческую ошибку европоцентризма, признав равнозначность и равноправие разнообразных форм построения культуры, то есть «возвратить истории ее подлинные масштабы» [1].

Теории афроцентризма нашли свою поддержку и среди гуманистов Европы. В Париже издавался литературно-философский журнал «Черный студент». Первый номер был подготовлен не только и не столько силами африканцев, живших тогда в Париже (сенегалец Л. С. Сенгор и гвинеец Ш. А. Диоп), сколько силами европейских интеллектуалов: Ж.-П. Сартра, А. Камю, А. Жида. Журнал трактовал концепцию негритюда как антитезу «тому оскорблению, которое белый человек наносил человечности», провозглашая своей целью «заставить звучать голос Африки» и тем самым «объявить присутствие негро-африканца в мире» [1].

Ж.-П. Сартр определил негритюд как «антирасистский расизм» [28, с. 231]. Ретроспективно осмысливая цели и результаты европейской культурной экспансии, Ж.-П. Сартр пишет: «Мы надеялись обнаружить хотя бы немного от нашего величия в домашних глазах африканцев. Но домашних глаз не стало: есть недружелюбный и свободный взгляд, который судит нашу землю» [28, с. 231].

На основе концепции негритюда возникли различные версии «национального социализма» у разных африканских народов: «африканский синкретический социализм», «социализм банту» и др. [20].

Аналогичны идеи теории убунту, лежащие в основе новой идеологии Южно-Африканской Республики [26]. Слово «убунту» на языке зулусов обозначает «человечность» [29]. В основе мировоззрения убунту лежит утверждение: «Я существую, потому что мы существуем» [25, с. 21–26].

В рамках даннай ідеалогіі, па ацэнке Дж. Т. Самканджа, быць чалавекам азначае падтвердзіць сваю чалавечнасць, прызнавая чалавечнасць в другіх і на гэтай аснове ўстанавліваю уважлівыя чалавечыя адносіны с другімі [цйт. по: 7].

Следует отметить, что тенденции глокализации могут проявляться не только в позитивных интенциях развития национальной традиции (возрождение национальных и региональных праздников и промыслов; культивация специфики в costume, языке и даже диалектах; возрождение интереса к национальной истории и т. п.), но также и в негативных (явления сепаратизма и национализма). В этом плане описанные выше концепции, сменив европоцентризм на афроцентризм, нередко служили основанием для выводов, близким к так называемому черному расизму, однако, несмотря на это, нельзя не увидеть в них и серьезного интереса к реактуализации локальной культурной традиции.

Аналогичные процессы возрождения национальной культуры отмечает А. Дж. Арриги применительно к азиатскому региону, говоря о «подъеме Восточной Азии» [22].

А. И. Смолик отмечает в этом контексте многочисленные прецеденты мировоззренческой реакции на глобализационные тенденции в сфере культуры, проявившиеся в Индии, Японии, на Ближнем Востоке: «...паэтызацыя этнічнай культуры знаходзіць яскравае выражэнне ў імкненні Японіі вярнуцца ў Азію, у “індуізацыі” Індыі, рэісламізацыі Блізкага Усходу» [18, с. 23]. Эти тенденции также могут иметь неоднозначные проявления, но в целом являются выразительной иллюстрацией успешных альтернатив глобализационному европоцентризму.

Интерес к национальной культурной традиции наблюдается сегодня повсеместно.

Применительно к нашей стране Э. К. Дорошевич отмечает, что «мы нечакана сталі сведкамі такіх з’яў сучаснай культуры, заснаваных на ўзорах нематэрыяльнай культурнай спадчыны, як фальклорны рух (з 1960-х гг.), рух гістарычнай рэканструкцыі (з 1990-х гг.). Трэба дадаць, што яны аказаліся даволі ўстойлівымі і схільнымі да самаарганізацыі і нават спалучэння з афіцыйнай культурай XXI ст. І сённяшняя крэатыўная моладзь апранае не толькі панкаўскую і байкерскую джынсавую і скураную ўніформу, але і этнічныя (гістарычныя) касцюмы сваіх продкаў і імкнецца пераняць іх мастацтва і лепшыя культурныя здабыткі» [3, с. 184–185].

Если учесть, что 2 июля 2016 г. в Беларуси впервые на государственном уровне был проведен «Дзень вышыванкі», посвященный не только национальному белорусскому костюму в его исторических версиях, но и современным формам и способам его включения в сегодняшнюю повседневность, то нельзя не отметить прозорливость Э. К. Дорошевича, который указал на данную тенденцию еще в 2010 г.

В контексте современной национальной культуры могут гармонично сочетаться современные и традиционные элементы, более того – именно фундаментальные нравственные основания культурной традиции оказываются, по оценке А. С. Лаптенка, теми ориентирами, которые позволяют сохранить стабильность культурного целого при существенных пертурбациях в периоды нестабильности [10; 11; 12].

К радикальным проявлениям глокализационных (субглобализационных) тенденций можно отнести традиционализм и рурализацию. Как отмечает Э. К. Дорошевич, «сёння ёсць падставы сцвярджаць, што нягледзячы на ўрбанізм і глабалізацыю, у сучасным свеце адначасова існуюць такія з'явы, як руралізацыя і традыцыяналізм» [3, с. 182]. Применительно к культуре нашей страны Э. К. Дорошевич также отмечает, что «...у рэкрэатыўнай сферы акрэсліліся тэндэнцыі да руралізацыі і цікавасці да гістарычнай нацыянальнай архаікі» [3, с. 184–185].

Сегодня исследователи справедливо говорят о радикальных трансформациях и культуры как таковой (ее содержания, структуры, форм организации), и культурного процесса как ее динамики (новые тенденции разворачивания культурного процесса, новые закономерности культурного развития и т. п.). В то же время существуют базовые основания культуры, сложившиеся применительно к каждой национальной традиции в достаточно стабильное ядро. Этнографами показано, что как семантические, так и аксиологические гештальты любого национального менталитета уходят своими корнями в глубинные основоположения национальной культурной традиции [6, с. 10].

Это касается, прежде всего, нематериальной культуры, передающейся посредством изустной традиции. По мнению Э. К. Дорошевича, «гаворка ідзе пра так званую спадчыну вуснай традыцыі (oral heritage of humanity) ці, як найчасцей гавораць, разумеючы пры гэтым менавіта непісьмовы, вусны аспект, нематэрыяльную культурную спадчыну (intangible heritage of humanity)» [3, с. 183]. Важно отметить, что это обстоятельство проявляется независимо от того, говорим ли мы о традиционной сельской культуре или о культуре городской [24]. По оценке Э. К. Дорошевича, «нематэрыяльная культурная спадчына, яе светапоглядныя асновы настолькі глыбока “ўбудаваны” ў структуру еўрапейскай культуры, што сучасны чалавек не жадае іх губляць і імкнецца захаваць нават у часы татальнага панавання тэхнагеннасці і інфарматызацыі» [3, с. 182–183].

Особенно важной оказывается роль культурного разнообразия для развития социальных организмов, которые отличаются многонациональностью, полиэтничностью и поликонфессиональностью. В контексте таких обществ культурный полиморфизм позволяет не только мирно и непротиворечиво сосуществовать различным этническим группам, но и успешно реализовывать в параллельном режиме различные культурные векторы развития, взаимно обогащая их содержание.

Говоря о Республике Беларусь, необходимо отметить, что для нашей страны исторически характерны как полиэтничность, так и поликонфессионализм. Согласно статистике, к началу XXI в. в Беларуси насчитывалось 2 953 религиозных общин, в том числе 1 399 православных, 440 римско-католических (а также 13 греко-католических), 29 иудейских, 24 мусульманских. Что касается этнонационального состава населения, то в Республике Беларусь проживают 1 142 тыс. русских, 417,8 тыс. поляков, 27,8 тыс. евреев, 10 тыс. татар, а также представители других национальностей и этнических групп [5, с. 7].

Культурологами сделан вывод о том, что в нашей стране «культурны полімарфізм абумоўлены этнічнай і канфесійнай разнастайнасцю», – как отмечает А. И. Смолик, – практическая реализация этого культурного полиморфизма создает благоприятные условия для развития этнонациональных культурных традиций в контексте культуры Беларуси: «Сучаснае беларускае грамадства сацыяльна разнастайнае і стварае глебу для фарміравання полікультуртнай мадэлі. На наш погляд, разнастайнасць культурных форм дае чалавеку магчымасці духоўнага развіцця...», позволяет «вызначыць тып, формы культуры, у якіх ён можа самаактуалізавацца» [17, с. 24].

Опора на национальную культурную традицию необходима для развития современной культуры, сохранение национально-культурной идентичности рассматривается сегодня как одна из фундаментальных проблем современной культурологии.

На повестке дня стоит вопрос о конкретных путях и методах адаптации национального культурного наследия к реалиям сегодняшнего дня: исследователи отмечают, что «сёння асабліва востра паўстае пытанне аб стварэнні прадуманай канцэпцыі сацыяльных, палітычных, псіхалагічных і культурных умоў пазнання, трансляцыі, забеспячэння ўжыткавага (жыццёвага, побытавага) функцыянавання нематэрыяльнай культурнай спадчыны як неад'емнай часткі структуры сучаснай культуры» [3, с. 186].

Культурология представляет сегодня многочисленные программы (или по крайней мере идеи, могущие лечь в основу программ), разработанные с целью сохранения и развития культурного разнообразия и касающиеся Азербайджана (Р. Кулиев), Беларуси (Д. А. Кривошей), Венгрии (Я. М. Ковач), Германии (Х. Кельнер, Х.-Г. Зофнер), Индии (Туласи Шринивас), Китая (Яньсянь Янь), Российской Федерации с учетом специфики регионов (Л. Е. Востряков, Т. М. Гудима, В. С. Жидков, Н. П. Копцева, А. В. Костина, В. С. Лузан, К. Б. Соколов и др.), США – поскольку массовая культура опасна для культуры американской ничуть не меньше, чем для других национальных традиций (Дж. Д. Хантер, Дж. Йейтс), Тайваня (Синь-Хуань Майкл Сяо), Турции (Э. Озбудун,

Е. Ф. Кейман), Чили (А. Ф. Талавера), ЮАР (Э. Бернштейн), Японии (Тамоцу Аоки) и мн. др.

1. Буровский, А. Теория негритюда [Электронный ресурс] / А. Буровский // Бремя белых. Необыкновенный расизм / А. Буровский. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/chapter.php/1009461/47/Burovskiy_-_Vremya_belyh._Neobyknovennyy_rasizm.html#n_97. – Дата доступа: 11.07.2016.

2. Галь, Б. На пороге постсовременности. Региональные модели противостояния глобальным вызовам [Электронный ресурс] / Б. Галь // Диалогия: возвращение традиций интел. общения. – Режим доступа: <http://www.dialogs.org.ua/ru/material/full/2/4460>. – Дата доступа: 17.10.2015.

3. Дарашэвіч, Э. К. Нематэрыяльная культурная спадчына ў структуры сучаснай культуры / Э. К. Дарашэвіч // Культура ва ўмовах глабалізацыі : матэрыялы навук. канф., Мінск, 25–26 лістап. 2009 г. – Мінск, 2010. – С. 182–186.

4. Ерасов, Б. С. Тропическая Африка: идеологии и проблемы культуры / Б. С. Ерасов. – М. : Наука, 1972. – 270 с.

5. Землякоў, Л. Е. Дзяржаўна-канфесіянальная палітыка ў Рэспубліцы Беларусь / Л. Е. Землякоў, Н. Колікава // Беларус. гіст. часопіс. – 2007. – № 3. – С. 3–8.

6. Итс, Р. Ф. Введение в этнографию / Р. Ф. Итс. – Л. : ЛГУ, 1974. – 160 с.

7. Карелин, В. Убунту: я существую, потому что мы существуем [Электронный ресурс] / В. Карелин // Человек без границ : междунар. журнал. – Режим доступа: <http://www.bez-granic.ru/index.php/2013-08-04-13-26-15/vse-rubriki-zhurnala/voprosyoglavnom/520-ubuntu.html>. – Дата доступа: 11.07.2016.

8. Корнеев, М. Я. Африканские мыслители XX века. Эскизы к интеллектуальным портретам [Электронный ресурс] / М. Я. Корнеев. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/korneev-myа/metafizika-estetika-i-komparativistika-leopolda-sedara-sengora>. – Дата доступа: 12.07.2016.

9. Корнеев, М. Я. Метафизика, эстетика и компаративистика Леопольда Седара Сенгора / М. Я. Корнеев // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий : сб. к 75-летию проф. М. Я. Корнеева. – Вып. 11. – СПб., 2002. – С. 256–277. – (Серия «Мыслители»).

10. Лаптенюк, А. С. Мораль в информационном обществе: верность традиции или новые парадигмы / А. С. Лаптенюк // Дискурсы этики. – СПб., 2013. – № 5. – С. 18–21.

11. Лаптенюк, А. С. Традиция как условие формирования нравственной культуры общества / А. С. Лаптенюк // Нравственная культура личности: условия формирования / под ред. А. С. Лаптенюка. – Минск, 2001. – С. 49–68.

12. Лапцёнак, А. С. Этнаэтыка ў сістэме маральнага выхавання / А. С. Лапцёнак // Нацыянальная самасвядомасць і выхаванне моладзі / пад рэд. А. С. Лапцёнка, В. А. Салеева. – Мінск, 1996. – С. 52–59.

13. Ляховская, Н. Д. Леопольд Седар Сенгор / Н. Д. Ляховская. – М. : Наследие, 1995. – 111 с.

14. Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Л. Бергера, С. Хантингтона. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 379 с.

15. Негритюд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litdic.ru/negrityud/>. – Дата доступа: 11.07.2016.

16. Смолик, А. И. Белорусская культурная традиция как феномен мировой культуры / А. И. Смолик // Культурное наследие в диалоге традиций : материалы форума писателей и культурологов Казахстана и Беларуси, Минск, 2 окт. 2008 г. – Минск, 2009. – С. 160–170.

17. Смолик, А. И. Социодинамика современной белорусской культуры / А. И. Смолик, Л. К. Кухто // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Е : Педагогические науки. – 2011. – № 7. – С. 95–99.

18. Смолік, А. І. Тыпалогія сацыядынамікі этнакультурных супольнасцей / А. І. Смолік // Культура ва ўмовах глабалізацыі : матэрыялы навук. канф., Мінск, 25–26 лістап. – Мінск, 2010. – С. 19–24.

19. Суша, А. А. Да пытання перыядызацыі гісторыі культуры Беларусі ў кантэксце яе развіцця на памежжы «Усход – Запад» / А. А. Суша // Чалавек. Грамадства. Свет. – 2008. – № 4. – С. 3–12.

20. Ульяновский, Р. А. Социализм и освободившиеся страны / Р. А. Ульяновский. – М. : Наука : Гл. ред. вост. лит., 1972. – 555 с.

21. Albrow, M. The Global Age: State and Society beyond Modernity / M. Albrow. – Cambridge : Polity, 1996.

22. Arrighi, G. Globalization and the Rise of East Asia: Lessons from the Past, Prospects for the Future / G. Arrighi // International Sociology. – 1998. – Vol. 13. No 1. – P. 59–77.

23. Giddens, A. Runaway World / A. Giddens. – New York, 2000. – 124 p.

24. Mommaas, R. Cultural clusters and the post-industrial city: towards the remapping of urban cultural policy / R. Mommaas // Urban Studies, 2004. Vol. 41. No 3. – P. 507–532.

25. Nussbaum, B. Ubuntu: Reflection of a South African on Our Common Humanity / B. Nussbaum // Reflection, the Society for Organizational Learning and Massachusetts Institute of Technology. – 2003. – Vol. 4. – No 4. – P. 21–26.

26. Revolutionary Ubuntu: The shack dwellers and poor people of South Africa. Documents. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eblackstudies.org/ebooks/ubuntu.pdf>. – Дата доступа: 11.07.2016.

27. Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture / R. Robertson. – London : SAEG Publications, 1992. – 224 p.

28. Sartre, J.-P. Situations III / J.-P. Sartre. – Paris : Gallimard, 2013. – 464 p.

29. Ubuntu – African Philosophy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.buzzle.com/editorials/7-22-2006-103206.asp>. – Дата доступа: 11.07.2016.

V. Mozheiko

Glocalization versus globalization: problem of cultural identity's preservation

The article is devoted to the actual trends in modern civilization development – glocalization trend, which means the development of local (national and regional) cultural identity as an alternative to globalization tendencies of cultural space unification. The author concludes that glocalization can be considered as a real counterweight to the possibility of a homogeneous cultural environment formation, which allows preserving creative and evolutionary potential of culture.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 21.10.2016.